

I. В прошлом

Урожай

Жар от гудрона как будто застрял меж густых изгородей — они возвышались над головами, точно крепостные стены.

— Давит, — сказала мать; они тоже как будто застряли. — Как лабиринт в Хэмптон-Корт¹, — сказала она. — Помните?

— Да, — сказала Джессика.

— Нет, — сказала Джоанна.

— Ты совсем маленькая была, — сказала мать Джоанне. — Как Джозеф.

Джессике было восемь, Джоанне шесть.

Дорожка (они называли ее «переулок») извивалась туда-сюда — не разглядишь, что там впереди. Приходилось держать собаку на поводке и жаться к изгородям — а то «вдруг появится» машина. Джессика была старшая, и собачий поводок всякий раз доставался ей. Она только и делала, что дрессировала собаку — «К ноге!», и «Сидеть!», и «Ко мне!». Мать говорила, не мешало бы Джессике поучиться у собаки послушанию. Джессика вечно была за главную. Мать говорила Джоанне: «Неплохо бы думать

¹ Хэмптон-Корт — королевский дворец в лондонском предместье Ричмонд-на-Темзе, загородная резиденция английских королей в 1529–1760 гг., с 1838 г. открыт для публики. Лабиринт в Хэмптон-Корт был создан в 1690-х гг. по заказу Вильгельма III, принца Оранского. — *Здесь и далее прим. перев. Переводчик благодарит за поддержку Бориса Грызунова.*

самой. Умей постоять за себя, своей головой думай», но своей головой Джоанна думать не хотела.

Автобус ссадил их на шоссе и поехал себе дальше. Выйти из автобуса всем семейством — ужас какая «морочка». Мать держала Джозефа под мышкой, как сверток с покупками, а другой рукой с трудом раскладывала навороченную коляску. Джессика и Джоанна сообща выволакивали из автобуса покупки. Пес справлялся сам.

— Никто никогда не помогает, — сказала мать. — Замечаете?

Они замечали.

— Блядская сельская идиллия, спасибо вашему папочке, — сказала мать, когда автобус отбыл в голубых дымах выхлопа и жара. — И не смейте материться, — машинально прибавила она. — Материться можно только мне.

Машины у них больше не было. В ней уехал отец («ублюдок»). Отец писал книги, «романы». Однажды снял книжку с полки и показал Джоанне, ткнул в свою фотографию на задней обложке и сказал:

— Это я, — но прочесть не разрешил, хотя Джоанна уже хорошо умела. («Не сейчас, попозже. Боюсь, я пишу для взрослых, — засмеялся он. — Там есть такое, ну...»)

Их отца звали Говард Мейсон, а мать — Габриэлла. Иногда люди радовались, улыбались отцу, уточняли: «Тот самый Говард Мейсон?» (А иногда, без улыбки: «Этот Говард Мейсон», — это значило другое, но Джоанна не очень понимала, в чем разница.)

Мать говорила, что отец выдернул их с корнем и пересадил «в какую-то глушь».

— Точнее, в Девон, под каковым именем эта глушь обычно фигурирует, — отвечал отец. Он говорил, что ему нужно «пространство для творчества», а им всем полезно «пообщаться с природой». — Никакого телевизора! — сказал он, как будто их порадовать хотел.

Джоанна по-прежнему скучала по школе, по друзьям, по «Чудо-женщине»¹ и по дому на улице, где можно дойти до лавки, купить «Потеху»², и лакричную палочку, и яблоки, которые бывают трех сортов, а не тащиться по переулку, потом по дороге, потом на двух автобусах, а потом все то же самое, только наоборот.

Переехав в Девон, отец первым делом купил шесть рыжих кур и целый улей пчел. Всю осень копался в огороде перед домом — «готовился к весне». После дождя огород превращался в сплошную слякоть, и она заползала в дом — даже на простыни. Пришла зима, лиса пожрала кур, которые так и не снесли ни яичка, а все пчелы померзли, что вообще неслыханно, сказал их отец, а потом прибавил, что все это впишет в свою книгу («роман»).

— Ну, значит, не зря мы страдали, — сказала мать.

Отец писал за кухонным столом, потому что хоть чуточку тепло было только в кухне — спасибо гигантской и темпераментной плите «Ага», которая, говорила мать, «ее в гроб загонит».

— Жду не дождусь, — бормотал отец. (С книгой у него не ладилось.)

Отец всеми помывал, даже матерью.

— От тебя сажей несет, — говорил ей отец. — А еще капустой и молоком.

— А от тебя неудачей, — отвечала мать.

Раньше она пахла интересно — краской, скипидаром, табаком, духами «Je Reviens», которые отец покупал ей еще в те времена, когда она была семнадцатилетней «католической школьницей»; они означали «я вернусь» —

¹ «Чудо-женщина» (*Wonder Woman*, с 1941 г.) — серия комиксов компании «DC Comics»; создатель персонажа и автор первых выпусков — психолог и изобретатель феминист Чарлз Моултон (Уильям Моултон Марстон, 1893–1947).

² «Потеха» (*The Beano*, с 1938 г.) — журнал детских комиксов компании «D. C. Thomson & Co».

это было ей послание. Отец говорил, что мать была «красоткой», а мать говорила, что «художницей», но с тех пор, как они переехали в Девон, она ни разу не рисовала.

— Два творческих таланта в один брак не влезут, — говорила она эдак по-своему, воздев брови и вдыхая дым сигарилл.

Она их называла «сигарийи», как иностранка. В детстве она много где побывала и когда-нибудь отвезет туда детей. У нее горячая кровь, говорила мать, не то что у отца — он вообще рептилия. Мать была умная, и смешная, и умела удивлять, и совсем не походила на других матерей.

— Экзотическая, — говорил их отец.

Спор о том, кто чем пахнет, по всей видимости, еще не закончился, потому что мать схватила с серванта белосиний полосатый кувшин и метнула в отца. Отец сидел за столом и глядел на пишмашинку, как будто слова напишутся сами, если потерпеть. Кувшин ударил его в висок, и отец взревел от боли и неожиданности. Джессика выдернула Джозефа из детского стульчика — стремительно, Джоанне оставалось только восхищаться, — и сказала Джоанне:

— Пошли.

И они пошли наверх и стали щекотать Джозефа на двуспальной кровати, где обе и ночевали. В спальне не топили, и кровать была завалена стегаными одеялами и старыми материнскими пальто. В конце концов все трое уснули, уютившись в запахах сырости, нафталина и «Je Reviens».

Проснувшись, Джоанна увидела, что Джессика сидит, опираясь на подушки, в перчатках, мохнатых наушниках и в пальто, как будто в палатке. Джессика читала, светя в книжку фонариком.

— Электричество вырубил, — пояснила она, не отводя глаз от книжки.

За стеной слышалось ужасное звериное сопенье — значит, родители опять помирились. Джессика молча протя-

нула Джоанне наушники, чтоб сестре не пришлось слушать.

Когда наконец наступила весна, отец не стал разводить огород, а уехал в Лондон и поселился со «своей другой женщиной», сильно удивив Джоанну и Джессику, но, видимо, ни капли не удивив их мать. Другую женщину отца звали Мартина — *поэтесса*; мать выплевывала это слово как проклятие. Она обзывала другую женщину (*поэтессу*) такими словами, что, когда сестры набирались храбрости шептать их друг другу под одеялом (*сука-низда-шлюха-поэтесса*), слова отравляли самый воздух.

Теперь в браке мать осталась одна, но все равно не рисовала.

Они шагали по переулку гуськом — «как индейцы», сказала мать. Полиэтиленовые пакеты висели на ручках коляски, и, если мать отпускала ручки, коляска заваливалась назад.

— Мы прямо вылитые беженцы, — сказала мать. — Однако мы не падаем духом, — бодро прибавила она.

К концу лета — «как раз к школе» — они переедут в город.

— Слава тебе господи, — сказала Джессика, совсем как мать.

Джозеф спал в коляске, открыв рот, и в груди у него похрипывало — простудился, никак не оклемается. Он так вспотел, что мать раздела его до подгузника, и Джессика обдувала Джозефу ребрышки, чтоб остыл, а мать сказала:

— Только не разбуди.

Попахивало навозом и подгнившей травой, а от запаха бутеня Джоанна расчихалась.

— Не повезло, — сказала мать. — Мои аллергии достались тебе.

Материны темные волосы и бледная кожа достались «красавчику» Джозефу, зеленые глаза и «руки художницы» — Джессике. Джоанне отошли аллергии. Не повезло.

У Джозефа с матерью и день рождения один, — правда, у Джозефа еще не было дней рождения. Через неделю будет первый.

— Это особенный день рождения, — сказала мать; а Джоанна думала, все дни рождения особенные.

Мать надела любимое Джоаннино платье, голубое с красными клубничинами. Мать говорила, оно старое и следующим летом она его раскроит и, если Джоанна захочет, сошьет ей что-нибудь. Джоанна видела, как движутся мускулы материных загорелых ног — мать толкала коляску в горку. Мать была сильная. «Яростная», — говорил отец. Джоанне нравилось это слово. Джессика тоже была яростная. А Джозеф пока никакой. Младенец и младенец, толстый и довольный. Джозефу нравились овсянка, и банановое пюре, и бумажные птицы над кроваткой — мобиль, который смастерила мать. Джозефу нравилось, когда сестры его щекочут. Сестры ему тоже нравились.

У Джоанны по спине тек пот. Поношенное ситцевое платье липло к коже. Платье досталось от Джессики.

— Честная бедность, — смеялась мать.

Когда она смеялась, крупный рот у нее становился как перевернутый месяц — даже если она счастлива, ни за что не догадаешься. Все, что было у Джоанны, досталось ей от Джессики. Как будто без Джессики не было бы никакой Джоанны. Джоанна заполняла пустоты, которые оставляла за собой Джессика.

За изгородью замычала невидимая корова, и Джоанна подскочила.

— Просто корова, — сказала мать.

— Красные девонские, — сказала Джессика, хотя коров не видела.

Откуда она знает? Она всегда знает, как что называется, видимое и невидимое. А Джоанна — она будет когда-нибудь столько знать?

Сначала идешь по переулку, а потом в деревянные ворота с перелазом. Через перелаз коляску не протащишь —

приходится открывать ворота. Джессика спустила собаку с поводка, и пес вскарабкался на ворота и перемахнул на ту сторону, как его Джессика научила. Табличка гласила: «Пожалуйста, закрывайте ворота за собой». Джессика всегда убегала вперед и отодвигала запор, а потом они с Джоанной толкали ворота и качались. Мать тягала и пихла коляску: зимняя слякоть высохла и колеса застревали в колдобинах. Чтобы закрыть ворота, сестры тоже качались. Джессика проверяла запор. Иногда они висели на воротах вниз головой, и их волосы доставали до самой земли, точно метлы, и мать говорила:

— Перестаньте.

Тропа шла по кромке поля.

— Пшеница, — сказала Джессика.

Пшеница была высокая, но не такая, как изгороди в переулке.

— Скоро будут собирать урожай, — сказала мать. — Жать пшеницу, — прибавила она специально для Джоанны. — А мы с тобой будем чихать и хрипеть.

Джоанна уже хрипела — в груди свистел воздух.

Пес ринулся в поле и пропал. Секунда — и он опять выпрыгнул из пшеницы. На той неделе Джоанна побежала за ним, заблудилась в поле, и ее очень долго никто не мог найти. Она слышала, как ее зовут и уходят все дальше. Никто не слышал, как она отвечала. Разыскал ее пес.

На полдороге они остановились в тени деревьев у тропинки, сели на траву. Мать сняла пакеты с коляски и достала апельсиновый сок и коробку шоколадного печенья. Сок был теплый, а шоколадное печенье слиплось. Они дали печенье собаке. Мать засмеялась — перевернулся рот — и сказала:

— Господи, ну и бардак, — заглянула в сумку с детскими причиндалами, нашла чем вытереть сестрам руки и губы, вымазанные шоколадом.

В Лондоне они устраивали настоящие пикники, грузили в багажник большую плетеную корзину, доставшуюся

матери от матери, которая была богатая, но уже умерла (хотя оно, видимо, и к лучшему, потому что ей не довелось увидеть, как ее единственная дочь выходит замуж за эгоистичного похотливого бездельника). Если бабушка была богатая, почему же у них нету денег?

— Я сбежала, — объяснила мать. — Улизнула, чтоб выйти замуж за вашего отца. Очень романтично. Было. Ни гроша за душой.

— Зато у тебя была корзинка для пикников, — отметила Джессика, а мать засмеялась:

— Знаешь, иногда ты ужасно смешная.

И Джессика ответила:

— Знаю.

Проснулся Джозеф, и мать его покормила, расстегнув спереди клубничное платье. Джозеф так и уснул, присосавшись.

— Бедный ягненок, — сказала мать. — Из простуды никак не выкарабкается. — Она положила его в коляску и прибавила: — Так. Пошли домой. Включим садовый шланг, и вы освежитесь.

Он возник как будто из ниоткуда. Они его заметили, потому что собака зарычала, странно забулькала горлом, — Джоанна никогда не слышала, чтобы пес так говорил.

Он шел к ним очень быстро, становился все больше. И эдак смешно сопел и отдувался. Скорее всего, пройдет мимо и скажет: «Добрый день» — или там: «Привет» — люди всегда так говорят, если встречаешь их в переулке или на тропе. Мать к ним обращалась: «Чудесный денек» — или там: «Жарко сегодня, а?» — но этому человеку ничего не сказала. Зашагала быстро, изо всех сил толкая коляску. Покупки остались на траве, и Джоанна хотела поднять один пакет, но мать сказала:

— Оставь.

Что-то в голосе ее, в ее лице испугало Джоанну. Джессика схватила сестру за руку и сказала:

— Быстрее, — резко, по-взрослому.

Джоанна вспомнила, как мать швырнула в отца бело-синий полосатый кувшин.

Человек шел теперь туда же, куда они, рядом с матерью. Мать шагала очень быстро и твердила им:

— Скорее, скорее же, не отставайте. — Она словно задыхалась.

Потом пес кинулся человеку наперерез, залаял, запрыгал, словно пытался преградить ему дорогу. И внезапно человек пнул пса, и тот взлетел и приземлился где-то в пшенице. Им не было видно, но они слышали ужасный скулеж. Джессика встала перед человеком и что-то закричала, тыча пальцем, ловя ртом воздух, как будто не могла дышать, а потом помчалась в поле за собакой.

Дело было плохо. Спору нет.

Джоанна всматривалась в пшеницу, пытаясь разглядеть, куда подевались Джессика и собака, и не сразу заметила, что мать дерется с этим человеком, бьет его кулаками. Но у человека был нож, человек все время его поднимал, и нож вспыхивал серебром под жарким солнцем. Мать закричала. Все лицо в крови, и руки, и сильные ноги, и клубничное платье. И тут Джоанна сообразила, что мать кричит не на человека, мать кричит на нее.

Мать зарезали тут же — большой серебряный нож вонзился ей в сердце, точно мясницкий тесак в коровью тушу. Матери было тридцать шесть лет.

Видимо, этот человек и Джессику успел пырнуть, потому что за ней тянулся кровавый след, тропка, что привела их к ней, но не сразу, потому что сначала пшеничное поле укрыло ее золотым одеялом. Она лежала, обняв тело пса, их кровь перемешалась и утекла в сухую землю,

питая зерно, — жертвоприношение урожаю. Джозеф умер на месте, пристегнутый к коляске. Джоанне хотелось думать, что он так и не проснулся, но она не знала наверняка.

А Джоанна... Мать закричала на нее, и Джоанна послушалась.

— Беги, Джоанна, беги! — закричала мать, и Джоанна побежала в поле и заблудилась в пшенице.

Потом, когда уже стемнело, ее нашли другие собаки. Незнакомый человек взял ее на руки и унес.

— Ни царапинки, — услышала она; над головой в холодном черном небе ослепительно сияли луна и звезды.

Надо было, конечно, схватить Джозефа, выдернуть его из коляски или побежать с коляской (Джессика бы так и поступила). И не важно, что Джоанне было всего шесть лет, что с коляской она бы недалеко убежала, что тот человек поймал бы ее за три секунды, — не в этом дело. Лучше попытаться спасти малыша и погибнуть, чем не попытаться и выжить. Лучше умереть вместе с Джессикой и матерью, чем остаться без них. Но она об этом не подумала — она просто сделала, что велели.

— Беги, Джоанна, беги! — велела мать; и Джоанна побежала.

Странно: теперь, тридцать лет спустя, больше всего ее бесило, что она забыла, как звали собаку. А спросить уже некого.

II. Сегодня

Плоть и кровь

Лужок тянулся по всей деревне, и его пересекала узкая дорога. На лужок смотрела начальная школа. Лужок был не квадратный, как он воображал, и пруда с утками там тоже не нашлось. Одно, казалось бы, графство — надо бы знать окрестности, но нет, Китсовы чужие поля¹. Йоркширские долины он знал понаслышке, из телевизора и кино, — то «Эммердейл»² мелькнет, то случится полуобморочная ночь на диване под «Девушек с календаря»³ по кабельному.

Тихо сегодня — среда, утро, начало декабря. Посреди лужка воздвигли рождественскую елку, но она пребывала перевозданно голой — ни игрушек, ни огней.

В последний (он же первый) раз он заезжал присмотреться к деревне в воскресенье после обеда, в разгар лета, и все здесь гудело: туристы пиروвали на траве, вокруг носились малыши, старики посиживали на лавочках, и все

¹ Аллюзия на «Оду соловью» (1819) английского поэта Джона Китса (1795–1821). Пер. Е. Витковского.

² «Эммердейл» (*Emmerdale*) — долгоиграющая (с 1972 г. по сей день) британская мыльная опера о жизни одноименной деревни в Западном Йоркшире.

³ «Девушки с календаря» (*Calendar Girls*, 2003) — фильм британского режиссера Найджела Коула, основанный на подлинной истории нескольких жительниц йоркширского городка: чтобы собрать деньги на исследования лейкемии, дамы не первой молодости выпустили календарь, для которого снимались обнаженными в домашней обстановке.

поголовно лизали мороженое. На краю лужка была какая-то песочница, где люди — местные, не туристы, — играли в некое подобие серсо — метали большие кованые кольца, тяжелые, как лошадиные подковы. Он и не думал, что люди еще так чудят. Вот ведь нелепица. Чистое средневековье. На лужке у креста рыночной площади до сих пор стоял позорный столб и, как сообщал путеводитель, располагалось «бычье кольцо». Он припомнил одноименный торговый центр в Бирмингеме, но потом прочел дальше: оказалось, у бычьего кольца собаками травили быков¹. Он решил (понадеялся), что позорный столб и кольцо — истории ради, для туристов, и больше не используются. Люди ехали в деревню на машинах — погулять и отдохнуть. Он-то нет. Он где стоит, оттуда и гуляет.

Он спрятался за номером «Дарлингтон энд Стоктон таймс», прочел рекламу похоронных бюро, малярных работ и подержанных машин. Центральная газета была бы подозрительнее, хотя и эту, местную, он купил в Хозе, а не в деревенской лавке — зачем лишний раз привлекать к себе внимание? У местных радар настроен на левых чужаков. Наверняка что ни лето — плетеного человека жгут².

В прошлый раз у него была роскошная тачка; сейчас он замаскировался получше, приехал на заляпанном грязью «дискавери» из проката, надел горные ботинки и куртку «Норт фэйс» на флисе, а на шею повесил карту Кар-

¹ У названия торгового центра «Бычье кольцо» (*Bull Ring*) в Бирмингеме та же этимология: оно происходит от железного кольца на рыночной площади — к нему привязывали быков, которых травили собаками перед забоем.

² В традиционной практике кельтских язычников большую плетеную клетку в виде человека сжигали в качестве жертвоприношения богам (древние друиды запирали внутри человеческую жертву; современные неоязычники от жертв воздерживаются). В 1973 г. британский режиссер Робин Харди снял фильм ужасов «Плетеный человек» (*The Wicker Man*) с Эдвардом Вудвардом в главной роли, а в 2006 г. американский режиссер Нил Лабьют поставил римейк, в котором главную роль сыграл Николас Кейдж.

тографического управления в пластиковом чехле, тоже купленную в Хозе. Он бы и собаку взял, если б их давали напрокат, и тогда стал бы копией любого другого туриста. Как это так — негде арендовать собаку? Вот какая ниша на рынке пустует.

Он приехал на прокатной машине со станции. Он бы ехал в собственной роскошной тачке всю дорогу, но когда сел и повернул зажигание, обнаружилось, что машина не подает признаков жизни. Поломалось что-то непостижимое — наверное, электроника, решил он. Теперь в гараже Уолтэмстоу машину выхаживал поляк по имени Эмиль, у которого был доступ (какой славный эвфемизм) к подлинным запчастям «БМВ» вдвое дешевле, чем у официальных поставщиков.

Он глянул на часы — золотой «Брайтлинг», дорогой подарок. Время высшей марки. Ему нравились мужские примочки — машины, ножи, гаджеты, часы, — но вряд ли он потратил бы на часы столько денег.

«Дареному коню в зубы не смотрят», — улыбнулась она, когда их вручала.

— Да что ж такое, ну скорей же, — пробормотал он и боднул руль — легонько, не хватало еще, чтоб заоборачивались прохожие.

Маскировка — это да, но он понимал: если долго ошибаться в крошечной деревне, рано или поздно кто-нибудь начнет любопытствовать. Он вздохнул и посмотрел на часы. Подождем еще десять минут.

Через девять минут и тридцать секунд (он считал — а чем еще заняться? Только стоять при часах на часах) из школы выбежал авангард — два мальчика, две девочки. Они притащили сетки и блестяще отработанным маневром возвели на лужке футбольные ворота. Видимо, лужок был школе вместо игровой площадки. Каково учиться в такой школе, он и представить себе не мог. Его-то «началка» была выгребной ямой — денег слишком мало, народу слишком много, и куда ни плюнь цвел социальный

дарвинизм. Выживание быстреего. И это еще были плюсы образования. Настоящее образование, когда он взаправду сидел в классе и чему-то учился, ему обеспечила армия.

Ручеек детей в физкультурной форме вытек из школы и речной дельтой разлился по лужку. Потом вышли два учителя, стали раздавать футбольные мячи из корзины. Он считал детей, пока они выходили, — двадцать семь. Самые маленькие вышли последними.

Потом появились дошколята — их-то он и ждал. По средам и пятницам они занимались в пристройке на задках школы. Натан, едва ли не самый крошечный, ковылял вместе со всеми, держась за руку девочки много старше его. Натан. Отнюдь не титан. Его упаковали в какой-то комбинезон «все в одном». Темные глаза, черные кудряшки — достались от матери, тут возразить нечего. Курносый носик. Порядок — матери Натана нет, уехала к сестре, у которой рак груди. Его здесь никто не знает. Чужак в чужой стране. Мистера Футы-Нуты, Липового Папаши, не видать.

Он вылез из машины, прошелся туда-сюда, сверился с картой. Огляделся, словно только что приехал. Отсюда слышен водопад. Не видно из деревни, зато слышно. Тёрнер его рисовал¹, если верить путеводителю. Он побрел наискось по краю лужка, якобы к пешеходной тропе, — тропы тут змеились повсюду, уводили прочь из деревни. Остановился, сделал вид, будто смотрит в карту, бочком подобрался ближе к детям.

Старшие разминались, кидали и пинали мяч друг другу. Кое-кто тренировал удары головой. Натан с девочкой из малышей группы пытался гонять мяч. Упал — ноги заплелись. Два года и три месяца. Лицо сосредоточенно

¹ Речь идет об английском пейзажисте-романтике Джозефе Мэллорде Уильяме Тёрнере (1775–1851), который много времени проводил в Йоркшире и писал его на протяжении всей жизни.